

Маме, с любовью

Пролог

Дождь лил так, словно этому миру пришел конец. Тяжелые тучи скрыли луну и звезды. По улице, погруженной во тьму, к двери каменного дома брел человек в капюшоне, борясь с яростными порывами ветра. Человек шагал вперед, сквозь беснующуюся тьму, придерживая верх капюшона, чтобы ветер не сорвал его. Он явно хотел остаться неузнанным. Крыша дома, к которому он направлялся, была разрушена. В воздухе кружилась солома. Ветер дул такой силы, что, когда человек достиг дома и поднял засов, дверь резко провалилась внутрь и с грохотом хлопнула о камни. Внутри было черным-черно. Никаких свечей, никаких ламп, и даже в окна в эту штормовую ночь не проникало ни малейшего света. Где-то в глубине тьмы капала вода.

Человек немного помедлил, прежде чем зайти, и огляделся. Затем, шаря руками в темноте, вошел и с усилием захлопнул за собой входную дверь. Ветер прекратил свой рев, сменившись воем, словно обидевшись на то, что его не впустили внутрь. Оказавшись в крошечной тьме, человек снял капюшон.

В темноте слышались шаги.

Человек стоял не шевелясь и наблюдал, как мрак постепенно размывался светом. В центре растущего яркого пятна широко шагал высокий темноволосый мужчина. Свеча в оловянном подсвечнике освещала тонкие черты лица и слегка тронутые сединой виски. Мужчина напряженно щурился, всматриваясь во тьму. Внезапно он остановился,

приметив человека у двери, и потянулся к длинному кинжалу на поясе.

— Кто здесь?

Человек шагнул вперед и, освещенный свечой, обернулся женщиной с собранными на затылке золотыми волосами, блестящими от дождя. Женщина улыбнулась, мужчина открыл рот от удивления. Он молча разглядывал ее несколько мгновений.

— Ты бродила по улицам одна? — наконец спросил он.

— В такую погоду там никого нет, — ответила женщина.

Мужчина сделал пару шагов вперед, чтобы получше рассмотреть ее лицо. Наряд женщины, несмотря на то что потемнел от дождя, был очень изыскан и, без сомнения, мог принадлежать только высокородной даме. Но на этом сходство с прочими благородными дамами заканчивалось. Она была ничуть не похожа на них — бледных, хрупких, утонченных, окрашенных и украшенных. В скулах, в глазах, в непринужденной позе угадывалась иная красота — особая, но и более суровая. Она не носила ни золота, ни серебра, и кожа ее была отнюдь не молочно-белой, как у других, а смуглой и немного загрубевшей от солнца.

— Где Его Величество? — спросил мужчина.

— Спит. Лекарь напоил его каким-то отваром, и теперь он будет спать долго. Его пугали молнии, — ответила золотоволосая женщина, закатив глаза.

Мужчина внимательно посмотрел на нее. Сквозь щели двери проникал ветер, заставляя пламя свечи дрожать.

— Ты сумасшедшая.

Она улыбнулась и слегка приподняла брови. Глаза ее сузились.

— При дворе то же самое говорят про тебя: «Опасайтесь Белламуса Сафинимского, Ваше Величество. Этот выскочка повредился в уме».

Белламус Сафинимский протянул руку, она подошла к нему вплотную и приобняла за талию, другой рукой придерживав его ладонь у своего плеча. Белламус посмотрел на нее сверху вниз — на ее приподнятое улыбающееся лицо, на все еще прищуренные глаза и поцеловал. Затем выско-

бодил свою руку и взглянул на пальцы, ставшие мокрыми от прикосновения к ее одежде.

— Тебе нужно согреться.

Они повернулись и пошли вместе в темноту. Свет свечи упорно и мягко рассеивал тьму, на короткое мгновение посреди зала высветился небольшой бассейн. Вода, текущая из отверстия в крыше, наполняла его сплошным потоком. Затем они пошли по коридору, украшенному побледневшими фресками, коими расписали когда-то оштукатуренные стены. Проходя мимо, королева бросила взгляд на одну из них, на которой был изображен кабан, насаженный на копьё. На следующей красовался профиль мужчины с бычьей шеей на фоне листьев и танцующих фигур. Штукатурка давно усохла и растрескалась. В нос ударил запах пыли, источаемой разрушавшимися изображениями.

В конце коридора горел более устойчивый свет. Они пришли в еще одну каменную комнату. Здесь находился врезанный в стену грубый камин, в котором пылал огонь. Перед камином стояло деревянное кресло. Другое кресло располагалось у противоположной стены комнаты — под окном, в котором отсутствовало стекло.

— Ты не спал? — спросила королева, взглянув на пламя.

— Смотрел на огонь.

Белламус усадил ее у камина и потушил свечу пальцами. Затем прошел через комнату к окну, поднял второе кресло и шерстяное одеяло, лежавшее там же, и вернулся к женщине.

— Так и что сказал король? — спросил он, подав женщине одеяло и усевшись рядом.

— Он сказал, что ты идешь на войну.

Белламус глубоко вздохнул:

— Мы начинаем вторжение?

В ответ она только приподняла брови, не отрывая взгляда от камина.

Белламус рассмеялся — сначала тихим осторожным смехом, но затем, не в силах сдержать себя, разразился громким торжествующим хохотом. Повинуясь внезапному по-

рыву, он резко встал, повернулся к королеве и изобразил легкий поклон.

— Молодец, Ваше Величество! — сказал он и, наклонившись, поцеловал ее еще раз, слегка потрепав по плечу. Затем отпрянул, но не стал садиться обратно. — Как тебе это удалось?

Похвалу она пропустила мимо ушей.

— Нам обоим. Ты хорошо напугал его. В огненных змеях и потоке он усмотрел Гнев Господень, а я сумела направить страх в нужное русло.

Огненные змеи. Накануне холодным ясным вечером раздался скорбный вой и крики, заставившие королеву Арамиллу подойти к окну. Выглянув наружу, она увидела в небе загадочные зеленые пятна. Со звезд словно спадала колышущаяся вуаль, покачиваясь и вздымаясь под порывами ветра. Вдруг колыхание усилилось, и зеленая вуаль распалась на широкие реки, текущие от горизонта до горизонта, — словно кто-то взял и пролил в небе огромный горшок, полный изумрудных чернил. Затем реки задвигались и стали напоминать извивающихся змей. Арамилла смотрела на них не отрываясь — со страхом и благоговением, как вдруг город внизу наполнили крики. Улицы стали пустеть — кто-то сломя голову бежал домой, кто-то в церковь, в надежде вымолить спасение от того, что непременно должно последовать за этим знамением. Странное явление продолжалось всю ночь, а потом налетели облака, сокрывшие собой змей, и началась буря.

— Это было красиво, — заметил Белламус и снова сел в кресло. — Лично мне они не показались предвестниками несчастий, но я рад, что у короля другое мнение.

— Даже если они не несут несчастий тебе, они вполне могут оказаться дурным предзнаменованием для короля, — ответила королева. — Во всяком случае, я постаралась убедить его, что это именно так. Сначала наводнение, потом мор и теперь вот эти змеи в небесах. Он считает, что Бог разгневан.

— Я впечатлен. А ему не страшно затевать военную кампанию так поздно?

— Ему гораздо страшнее от мысли, что придется зимовать, не умилостивив Бога. — Она дотронулась рукой до его щеки. — Но я все равно пошлю тебя на войну, мой солдат. Только постарайся сделать так, чтобы я потом в этом не раскаялась.

Она говорила нарочито веселым тоном, но он все равно крепко взял ее за руку.

— Тебе не придется, — сказал он. — Я вернусь, как и всегда.

— Привези мне что-нибудь из-за Абуса.

Зрачки ее были расширены, она не могла на него наглядеться. Он посмотрел ей в глаза.

— Чего бы тебе хотелось? Анакимы не копят сокровищ. Они вообще ценят только то, что можно применить немедленно.

— Что ты имеешь в виду?

— Оружие, — сказал Белламус. — Оно больше и качественнее, чем у южан. Хочешь, привезу роскошный боевой топор?

— Подумай еще, — ответила она со смехом и задумалась сама. — Я бы не отказалась от рогов гигантского лося.

— Ну, это мелочь, — небрежно бросил Белламус. — А ведь королю я собираюсь преподнести кое-что особенное. Боюсь, ты обидишься, если я подарю тебе нечто менее ценное.

— А что ты хочешь ему привезти?

Белламус слегка наклонился.

— Голову Черного Лорда, — ответил он тихо.

Она взглянула на него искоса и резко приникла к его груди.

— Ах ты, мой выскочка! Не завидую я тем анакимам, которые встанут у тебя на пути.

Они немного помолчали. На мгновение комнату осветила белая вспышка, и стало светло как днем. Затем вновь воцарился полумрак. Королева насчитала десять ударов сердца, прежде чем прокатился раскат грома. Она поежилась без особого страха.

— Как бы мне хотелось поехать на север! Хочется взглянуть на анакимов прежде, чем ты их всех уничтожишь.

Белламус глубоко задумался. Он смотрел не отрываясь на огонь и рассеянно играл с ее волосами.

— Ты уже убивал их? — спросила она. — Анакимов?

— Одного или двух, — ответил он. — Но те воины были без доспехов и плохо вооружены. В этом нет ничего героического. Как и все мы, они становятся гораздо менее грозными, если застаешь их врасплох.

— А правда, что у них кости — как доспехи? Или это был всего лишь еще один способ напугать короля?

Белламус ухмыльнулся:

— Если мы хотим выжить в этой игре, надо стараться врать так, чтобы потом было трудно разоблачить. То, что рассказывают про кость-панцири, — правда. Они закрывают тело от паха до шеи, и их весьма трудно проткнуть.

— Мой отец не верит. Он смеется и говорит, что это обычные слухи, которые ходят на любой войне.

— Граф Ситон настолько везуч, что ни разу не встречался с анакимом во плоти. Наши границы так долго и хорошо охранялись, что люди стали забывать, насколько реальна и серьезна угроза. Это не слухи, моя королева.

Она немного поерзала у него в руках.

— Но зачем тогда их тревожить? — спросила она недоуменно. — Мне казалось, ты ими восхищаешься. К тому же, как бы ни был хрупок мир, но он длился несколько лет. Зачем так рисковать, если усмирить их будет непросто?

Белламус с минуту молчал. Она поняла, что он решает, стоит ли рассказывать ей все. Наконец он произнес:

— Ты должна выбрать, на какой окажешься стороне, и придерживаться потом ее всеми силами — разве не так? Другие, без сомнения, поступят так же. Одержат победу те, кто окажется упорнее.

Она задумалась:

— Я уже выбрала сторону.

— Знаю, за кого ты будешь бороться, — произнес он многозначительно.

— А я знаю, за кого ты, — ответила она с улыбкой. — За меня.

ЧАСТЬ I ОСЕНЬ

Глава 1

Сломанный механизм

Дождь не прекращался несколько дней. Дорогу по щиколотку затопило коричневой жижей. Вода была повсюду. Конь Роупера споткнулся и упал на колени. Роупер с трудом удержался в седле.

— Поднимайся, — сказал Кинортас. — Ты обязан быть в два раза сильнее, если хочешь чего-то добиться от своих легионеров.

Роупер спешился, помог коню встать, затем забрался в седло обратно. Легионеры ничего не заметили. Они маршировали вслед за ними под дождем, опустив головы.

— На что повлияет дождь? — спросил Кинортас.

— Он сократит время битвы, — предположил Роупер. — Боевые порядки легче взламываются, и воины умирают быстрее, если земля скользит под их ногами.

— Верное замечание, — согласился Кинортас. — Кроме того, под дождем воины бьются не так неистово. Дождь благоприятствует сатрианцам, но легионы куда более опытные, а значит, вполне способны утвердить свое преимущество даже в таких условиях.

Роупер жадно впитывал его слова.

— Нам придется менять план сражения, лорд?

— У нас нет никакого плана сражения, — ответил Кинортас, — потому что мы не знаем, с чем столкнемся. Разведчики докладывают, что сатрианцы нашли сильную позицию для обороны, следовательно, теперь нам известно, в каком